

В мире культивации несколько сотен лет - это всего лишь время, необходимое мастеру, чтобы обучить одного ученика, но если отступить на две тысячи лет назад, то даже самые яркие легенды уже теряются в пелене времени. Ран Цэньцэнь, будучи мастером Зарождения Души и не достигнув даже двухсотлетнего возраста, не могла знать подробностей о тех временах, когда небеса ещё помнили имя Сюэ Цяньцзе.

К счастью, в табличке секты Сотни Цветов хранились записи об этом человеке. Ран Цэньцэнь приказала принести табличку, лично проверила, что в ней содержится только информация о Сюэ Цяньцзе и лишь после этого передала её Чанькуню Чжуоюю.

Чанькунь Чжуоюю направил внутрь свой божественный разум и начал читать историю Сюэ Цяньцзе, жившего две тысячи лет назад.

Уже само имя «Сюэ Цяньцзе» указывало на то, что это был псевдоним, ведь ни один родитель не дал бы своему ребёнку такое имя, полное крови и проклятий. Никто не знал, кем он был до того, как стал главой демонической секты.

Согласно скудным записям секты Сотни Цветов, с момента появления Сюэ Цяньцзе в мире культивации он уже был мастером Перерождения Души, мечником, выковавшим свою силу в бесконечной резне, превративший простой железный меч, который держал с самых первых дней своего пути воина, в самое страшное оружие во всём мире культивации.

Говорили, что Сюэ Цяньцзе каждый день подпитывал свой клинок своей кровью жизненной силы - особой кровью, наполненной его ци, и по мере того как железо впитывало эту субстанцию, оно переставало быть металлом и превращалось в ядро крови, окрашиваясь в алый цвет от лезвия до рукояти. Каждый взмах его меча сопровождался воплями заключённых в клинок жестоких духов; чтобы сразиться с ним, нужно было сначала обладать железной волей, способной выдержать этот хор ужаса, а затем противостоять его ударам, приходящим, словно буря, без единого промежутка.

Никто ниже стадии Перерождения Души не мог выдержать даже одного удара. Часто одного пронзающего выпада было достаточно, чтобы душа противника была поглощена этим бешеным клинком. И хотя он и не достиг Великого Вознесения, даже мастера этого уровня не осмеливались встречаться с ним лицом к лицу.

Когда Сюэ Цяньцзе достиг пика Перерождения Души, все демонические культиваторы признали его власть. Он собрал вокруг себя группу сильнейших экспертов демонического пути и решил штурмовать саму Демоническую секту, чтобы стать вершиной всей тьмы.

Тогда главой Демонической секты был мастер позднего этапа Великого Вознесения, находившийся на грани испытания Вознесения, чья сила считалась почти божественной. Всё мир культивации сделал ставки на исход этой великой битвы.

Хотя Сюэ Цяньцзе был силён, в сознании людей Перерождение Души всё же не могло сравниться с Великим Вознесением, тем более с тем, кто стоял на пороге Вознесения. Мало

кто рискнул поставить на него.

Но кто мог предугадать, что Сюэ Цяньцзе не двинется прямо к Демонической секте, а, вооружившись одним лишь мечом, отправится один на Куньлунь?

[Куньлунь — мифическая священная гора, изображаемая в китайской литературе как обитель бессмертных или богов; вершина праведного мира культивации, божественная, почти неприступная крепость.]

Что такое Куньлунь? Место древнего дворца богов, сердце всего мира культивации. В обычных сектах мастер Формирования Основы считается элитой, на уровне Золотого Ядра можно стать правителем клана, а на Зарождении Души - основать секту. Но в Куньлуэ даже внешние ученики достигают Золотого Ядра, мастера Зарождения Души гуляют повсюду, а половина всех мастеров Перерождения Души в мире служат там.

Бросить вызов главе Демонической секты - ещё можно было представить. Но бросить вызов Куньлуэ? Даже войти в его ворота было невозможно.

Сюэ Цяньцзе попал в ловушку защитного великого массива Куньлуэ. По сравнению с ним даже барьер Долины Разбитых Душ, созданный остатками энергии Божественной войны, казался детской шуткой.

Обычные культиваторы, осмелившиеся бросить вызов Куньлуэ, обычно разбивались насмерть о защитный массив ещё до того, как достигали ворот, но Сюэ Цяньцзе не умер. По какой-то причине массив не атаковал его, а просто запечатал, не давая ни войти, ни выйти. Он оставался в ловушке двадцать полных лет. А через двадцать лет он одним ударом меча пронзил небеса, разрушил великий массив и одним скачком достиг середины стадии Великого Вознесения.

Никто не знал, что он пережил внутри массива, было известно лишь, что двадцать лет назад он был опасным, но управляемым демоническим мастером, а после двадцати лет заточения его меч уже не был алым, он стал простым железным клинком, лишённым ядра крови и стонов жестоких душ.

И всё же, даже без божественного оружия, Сюэ Цяньцзе стал ещё более загадочным. После выхода из великого массива Куньлуэ он в одиночку, с одним лишь мечом, ворвался на вершину Пика Трясущегося Неба, уничтожил пятерых великих экспертов Демонической секты и лично отрубил голову её главе, объединив весь демонический путь под своим знаменем.

Все думали, что теперь, когда он объединил демонический путь, он поведёт свои силы против Куньлуэ, ведь очевидно, что он питает к нему обиду, и раз он может разрушить их массив, он смело захватит мир, и тьма возобладает над светом.

Но он не сделал этого.

Первым делом, став главой Демонической секты, он подавил все бунтующие мелкие секты, установил строгий контроль над всеми демоническими культиваторами, запретил им совершать зверства и потребовал мирного сосуществования с праведными сектами.

Демонические культиваторы были ошеломлены. Они последовали за ним потому, что он беспощадно убивал и действовал без оглядки на других. Но разве кто-то из них хотел жить такой скучной и загнанной в рамки жизнью? Многие восстали, но никто не смог выдержать и половины движения против него. Простым железным мечом он разрушил бесчисленные божественные артефакты мира культивации, пока никто больше не осмелился возражать.

Следующую тысячу лет стали самым мирным тысячелетием в истории между демоническим и праведным путями. Ни одной большой войны не произошло, культиваторы жили в покое, а обычные люди наслаждались процветанием и стабильностью.

В этот период Сюэ Цяньцзе много путешествовал, оставляя легенды повсюду, где бы ни побывал. Тысячу шестьсот лет назад он прибыл в секту Сотни Цветов. Тогда секта решила, что они чем-то оскорбили его, и приготовилась к уничтожению.

Но первыми словами Сюэ Цяньцзе, когда он переступил порог, стали:

— Я пришёл, чтобы попробовать ваш чай Сотни Цветов.

Глава секты подала ему чай. Чай был для него бесполезен, но, как записано в табличке, даже холодный, как лёд, Сюэ Цяньцзе позволил себе едва заметную улыбку, которую никто никогда раньше не видел. Он кивнул главе секты и сказал: «Хороший чай» ... и ушёл.

Через тысячу лет Сюэ Цяньцзе внезапно исчез из мира культивации. Не было ни вестей о том, что он прошёл испытание Вознесения, ни о его смерти. Остались лишь бесчисленные легенды об этом величайшем мастере демонического пути.

— Секта Сотни Цветов до сих пор не знает, зачем он пришёл сюда пить чай, — протянула Ран Цэньцэнь, глубоко вздохнув. — Но его поведение тогда было точно зафиксировано в табличке. Когда он прибыл, одетый в алые одежды, цветы увядали, деревья гнили под его шагами. Легендарный меч, встретив нашего Короля Гу, зазвенел. Но Сюэ Цяньцзе лишь чуть приподнял меч и сказал: «Если мой меч вынут, то он не возвращается без крови». После этих слов Король Гу отступил в свою банку и больше никогда не осмеливался выходить.

— После его ухода один художник из Центральных равнин, гостивший у нас, захотел запечатлеть его образ. Он заперся в комнате, писал, сжигал, снова писал, но ничего не получалось, его искусство не могло передать и десятитысячной доли присутствия Сюэ Цяньцзе.

— Но он все же смог закончить картину.

Ран Цэньцэнь хлопнула в ладоши, и две девушки мяо принесли свиток. По мере того как он медленно разворачивался, перед ними появилась полоса алого цвета.

— В конце концов, он рассёк себе грудь кистью, окунул её в кровь своего сердца и лишь тогда смог создать достойный портрет. К сожалению, на картине изображена только фигура Сюэ Цяньцзе, его лицо остаётся пустым. Художник однажды сказал, что, как бы он ни старался, его мастерство не могло передать черты лица Сюэ Цяньцзе. Эта картина уже предел его возможностей.

Глаза Ран Цэньцэнь сияли девичьим восхищением:

— Я повесила эту картину в своей спальне. Каждый день смотрю на неё и не могу не думать, что если бы я родилась на две тысячи лет раньше...

Когда свиток полностью развернулся, Ли Синлуня пронзило ощущение воли меча, как будто клинок вонзился ему в глаза. На полотне стояла фигура в алых одеждах, среди увядших цветов, смерть лежала у его ног, а вдали зелénéли прекрасные и живые, лишь подчёркивающие его одиночество, горы.

Одного его облика было достаточно, чтобы сердца трепетали. Что же было бы, увидь они самого настоящего человека?

— Нет стыда в этом рассказе, — сказала Ран Цэньцэнь, глядя на свиток, — вся секта Сотни Цветов уже знает эту историю. До прихода Сюэ Цяньцзе святые нашей секты имели право выходить замуж. Но после его визита ни одна святая больше не выходила замуж, потому что, увидев этот портрет, все поняли, что нет в мире мужчины, которому можно было бы сравниться с Сюэ Цяньцзе. Та святая, что видела его лично, предала секту, прошла через испытания Пяти Ядов и Трёх Гу, забрав всю свою культивацию, и последовала за Главой Секты Сюэ. Когда я была маленькой, я не понимала, почему та святая была так глупа. Но когда выросла и впервые увидела этот портрет, я сразу поняла её чувства. Увидеть такого мужчину и умереть от его меча - уже стоит жизни.

После визита Главы Секты Сюэ наш предок оставил завет: любой, кто придёт в секту Сотни Цветов за Гу, должен принести что-то равноценное, если только он не сможет выпить чай Сотни Цветов, не изменившись в лице, как это сделал тогда Сюэ Цяньцзе. Чанькунь Чжуоюй, ты уже выпил этот чай, а значит, можешь выбрать любого Гу без дополнительных условий. ... Чанькунь Чжуоюй?

Ран Цэньцэнь обратилась к нему, но он всё ещё смотрел на картину, и её голос вдруг стал странным.

Ли Синлуня пронзнуло чувство тревоги, и он резко повернул Чанькуня Чжуоюя к себе. Когда тот обернулся, по его щекам текли слёзы.

— Учитель? — сердце Ли Синлуна сжалось, увидев эти слёзы.

— Ничего, — пробормотал Чанькунь Чжуоюй, будто просыпаясь. Он использовал истинную энергию, чтобы испарить слёзы, и покачал головой. — Я просто... просто...

Он не договорил, снова бросил взгляд на портрет и тихо добавил:

— Мне просто кажется, что мне было очень тяжело... Наверное, поэтому я и отсёк своё прошлое.

Ли Синлунь: ...

Ран Цэньцэнь: ...

Учёный Бай: ...

Ран Цэньцэнь только что призналась в своих чувствах к портрету Сюэ Цяньцзе, а Чанькунь Чжуоюй тут же позволяет себе такие фамильярности! Даже если она и восхищалась его внешностью, она не верила, что он может сравниться с Сюэ Цяньцзе.

— Чанькунь Чжуоюй, ты что, серьёзно считаешь себя Главой Секты Сюэ? — Резко вскрикнула она — У вас, людей Центральных равнин, есть выражение «бредишь во сне» - вот она о тебе и говорит!

Но Чанькунь Чжуоюй покачал головой, с абсолютной уверенностью:

— Не нужно думать. Я определённно тот, кто исчез тысячу лет назад, кто отсёк своё прошлое, чтобы выжить после смертельного испытания - Сюэ Цяньцзе. Посмотрите на мою ауру, на мою силу... кто ещё, кроме Сюэ Цяньцзе, может соответствовать моей сути?

Ли Синлунь: ...

Всё.

Этот величественный старший окончательно потерял лицо.

<http://bllate.org/book/14629/1297988>